

УДК 070.422

DOI: 10.17223/19986645/46/15

Е.В. Перевалова

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА: ЕВГЕНИЙ КОЧЕТОВ – КОРРЕСПОНДЕНТ ИЗДАНИЙ М.Н. КАТКОВА

В статье рассматривается история сотрудничества в 1880-е гг. журналиста Е.Л. Кочетова в изданиях М.Н. Каткова – газете «Московские ведомости» и журнале «Русский вестник», являвшихся в указанный период лидерами российской консервативной журналистики. Рассмотрены публикации Кочетова, выявлены их тематика, проблематика и жанровая специфика; изучены ранее не публиковавшиеся письма журналиста, воспоминания о нем. Анализ газетно-журнальных текстов Кочетова, его переписки, мемуарной литературы позволил сделать вывод об общности общественно-политических взглядов журналиста и редактора, ставшей причиной успешного взаимного сотрудничества.

Ключевые слова: Е.Л. Кочетов, М.Н. Катков, «Московские ведомости», «Русский вестник», корреспондент, кукуевская катастрофа, Румелийский переворот.

Имя журналиста и писателя последней четверти XIX в. Евгения Львовича Кочетова (1845–1905) сегодня весьма основательно забыто, хотя в 1880–1890-х гг. он являлся одним из самых востребованных и известных столичных журналистов, а кроме того, опубликовал несколько книг очерков, повестей и рассказов – «Из недавних воспоминаний о недалеком Западе», «В Сибирь на каторгу: повести, характеристики и арабески», «Правдивые рассказы», «По студеному морю. Поездка на Север» и др. Имя Кочетова-журналиста, как правило, связывается с газетой А.С. Суворина «Новое время», сотрудником которой он являлся в 1880-е гг. и где публиковались его корреспонденции из Болгарии и Польши. Гораздо меньше известно о работе Кочетова в газете «Московские ведомости» и журнале «Русский вестник», издававшихся авторитетным консервативным публицистом М.Н. Катковым. В настоящей статье на основе анализа публикаций Е.Л. Кочетова, а также его писем, адресованных Каткову, сделана попытка выявить причины сотрудничества журналиста в данных изданиях, являвшихся лидерами консервативной печати 1880-х гг.

В процессе написания статьи были изучены хранящиеся в архивах НИОР РГБ и ранее не публиковавшиеся письма Е.Л. Кочетова М.Н. Каткову, рассмотрен ряд упоминаний о журналисте в ставших сегодня библиографической редкостью воспоминаниях Ю.С. Карцова «Семь лет на Ближнем Востоке» (1906). Исследование содержания газеты «Московские ведомости» позволило обнаружить и проанализировать значительное количество публикаций Кочетова в данном издании в период с 1880 по 1882 г.

О личности Кочетова известно весьма немного. Он родился в Ефремовском уезде Тульской губернии в семье средней руки помещика. Отец его умер рано, мать мало им занималась, и молодой Кочетов оказался предоставлен самому себе. Образование он получил лишь домашнее, гимназии не

окончил, сильных покровителей, способных оказать протекцию и помочь «пристроиться», у него также не было, да и вряд ли чиновничья служба с ее повседневной рутинной привлекала молодого человека, в характере которого преобладали такие черты, как пылкость, эмоциональность, способность быстро и горячо увлекаться. Он поступил юнкером в лейб-гвардии уланский полк, в котором прослужил несколько лет, причем в 1863 г. участвовал в подавлении польского восстания. Подробности службы Кочетова в Польше неизвестны, однако можно предположить, что из-за своего горячего и вспыльчивого нрава он неоднократно попадал в сложные жизненные ситуации, возможно, именно вследствие этого был вынужден в конечном итоге бросить военную службу. Некоторое представление об этом периоде жизни Кочетова дает его повесть «Из недавних воспоминаний о недалеком Западе», которую он издал в Москве в 1871 г. под псевдонимом Евгений Львов.

В основе сюжета – описание жизненного пути молодого офицера, созвучие имени и фамилии которого – Евграф Логинович Кречетов – с именем самого автора позволяет предположить, что книга носила автобиографический характер. Кречетов характеризуется автором как «способный чрезвычайно от природы, но при том ленивый, грубый до дерзости со старшими, особенно с начальством», а характер его, «иногда придиричивый и мелко самолюбивый, доводивший его не раз даже до крайних поступков, превращался вдруг в высоко благородный и полный самоотвержения» [1. С. 2–3]. Вследствие горячности своего нрава, вспыльчивости, несдержанности, склонности к благородным, но необдуманным поступкам, Кречетов во время военной службы в Польше попадает в опалу к начальству едва не лишается жизни по приговору военного суда: влюбившись в бедную польку, он решается жениться, но, вмешавшись в дело арестованного по ошибке ксендза, ссорится с одним из уездных чиновников, в результате чего оказывается на гауптвахте, а затем в крепости. Лишь «по какому-то счастью» герою удается избежать сурового приговора, но увольнение с военной службы вводит его в страшную нужду, и он вынужден начинать в жизни все сначала. Несмотря на невзгоды, Кречетов остается верен своим жизненным принципам, не склоняет голову и не подличает перед высшими и стремится сохранить внутреннюю независимость.

Весьма вероятно, что при описании некоторых эпизодов из жизни Кречетова автором были использованы наблюдения, сделанные во время службы в Польше, а также факты из собственной биографии, однако утверждать с точностью, что он «срисовал» своего героя с самого себя, вряд ли возможно. Так, сам Кочетов сообщал впоследствии Суворину, что в 1865 г. «под влиянием ксендза чуть ли секретно не принял католичество и когда отступился в самый последний момент», его сделали «политическим преступником», однако данная информация противоречит сведениям, содержащимся в аттестате, выданном Кочетову канцелярией виленского генерал-губернатора, в котором указано, что «не имеется никаких сведений о бытности его в 1867 г. под судом» [2. С. 115–116].

Как бы то ни было, следующие несколько лет жизни Кочетова после увольнения с военной службы во многом похожи на описание злоключений его героя: во второй половине 1860-х гг. он служил в особой канцелярии виленского генерал-губернатора, затем уехал в Петербург, где занимался пере-

пиской бумаг в окружном суде, позже оказался в Москве почти без средств к существованию. К началу 1870-х гг. относятся первые попытки Кочетова зарабатывать на жизнь литературным трудом: издав в 1871 г. повесть «Из недавних воспоминаний о недалеком Западе», он начал сотрудничать в «Крестном календаре» писателя и публициста А.А. Гатцука. Участие в «Календаре», который расходился по России сотнями тысяч экземпляров, вполне могло бы обеспечить Кочетову регулярный и хороший заработок, однако он поссорился с редакцией на финансовой почве и вновь оказался без средств. Начинаящий литератор проявил предприимчивость, инициативность и энергию: в 1873 г. в преддверии Всемирной выставки, проходившей в столице Австро-Венгрии, он на три месяца съездил в Австрию с целью сбора материалов для задуманного им путеводителя по Вене. Его планы блестяще оправдались: изданный в том же году «Единственный русский путеводитель по Вене и ее окрестностям с планами выставки и города» оказался крайне востребован, и весь тираж – две с половиной тысячи экземпляров – был очень быстро раскуплен.

Начало сотрудничества Кочетова в изданиях Каткова относится к концу 1880 г. Первой публикацией стало письмо «Голос из публики», подписанное «Евгений Львов» и напечатанное в 348-м номере «Московских ведомостей» от 16 декабря 1880 г., вслед за которым было опубликовано еще несколько писем под тем же названием: в № 351 и 362 от 19 и 31 декабря 1880 г., в № 6 и 8 от 6 и 8 января 1881 г. Поводом к их написанию стали события 5 декабря в Московском университете, когда за участие в сходке было арестовано более 400 студентов-медиков первого курса. Сходка 5 декабря была далеко не первой и явилась кульминацией затяжного конфликта студентов с руководством университета, которое не смогло обеспечить надлежащих условий учебы и быта, а в довершение всего приняло решение исключить шестерых зачинщиков беспорядков. Ситуация осложнялась тем, что министром народного просвещения графом Д.А. Толстым 29 августа 1879 г. были приняты «Временные правила», согласно которым студентам запрещалось устраивать собрания, сходки и создавать какие-либо кружки. Когда 5 декабря возмущенные студенты вместо занятий собрались в одной из аудиторий, то к ним приехал московский обер-полицмейстер генерал А.А. Козлов, который попытался было уговорить собравшихся разойтись, но так как сходка продолжалась, то он был вынужден отдать приказание оцепить аудиторию и арестовать всех в ней присутствовавших. Таким образом, конфликт вышел за пределы университета и послужил поводом к весьма оживленной газетной дискуссии, главными участниками которой стали «Московские ведомости» М.Н. Каткова и «Русские ведомости» Н.С. Сковцова. Между этими двумя изданиями существовало давнее противостояние: Катков в «Московских ведомостях» активно поддерживал Д.А. Толстого, политика которого в области высшего образования и особенно его попытки сократить университетскую автономию вызывали негодование и возмущение в среде либеральной профессуры, главным печатным органом которой в Москве служила газета Сковцова. «Русские ведомости» главной причиной конфликта 5 декабря справедливо называли «неустройство студенческого быта, долголетнее неудовлетворение давно осознанной студентами потребности в правильной организации как взаимного

общения между собой, так и сношений с университетскими властями» [3], но при этом подчеркивали «непозволительную разнузданность» поведения студентов и явно оправдывали руководство университета, которое, как писала эта газета, «доселе не отказывало университетской молодежи в своей нравственной поддержке» [4]. Напротив, для Каткова данная ситуация служила поводом указать в первую очередь на ошибки университетского начальства и тем самым подтвердить необходимость изменений в университетском уставе, а потому письма Кочетова, в которых было представлено мнение «стороннего» наблюдателя, но мнение, согласное со взглядами самого редактора «Московских ведомостей», стали весьма удобным способом заявить позицию газеты в данном вопросе.

Кочетов, которого «Русские ведомости» сразу же причислили к «публицистам со Страстного бульвара»,¹ упрекал руководство университета в том, что оно не смогло самостоятельно урегулировать конфликт, не имевший, по его мнению, никакой политической окраски, и тем самым поставило студентов в столь затруднительное положение: «Мы не можем отказаться от выраженного нами убеждения, что действуй университетское начальство тверже, легальнее, справедливее и обдуманнее, не было бы обиженных, быть может, совершенно невинно, не было бы арестованных, до сих пор еще дрожащих за последствия, не было бы... – писал Кочетов. – Одним словом, не было бы всего того, что прогремело по всей России под громким названием “студенческой истории” 5 декабря в Московском университете» [5]. Одновременно публицист вел полемику с «Русскими ведомостями», отвечая на их обвинения в искажении фактов в адрес «Московских ведомостей», подчеркивал тенденциозность либеральной газеты в освещении конфликта и т.д. Попытки «Русских ведомостей» объяснить причины, приведшие к событиям 5 декабря, публикацию в них писем участников сходки Кочетов объяснял конъюнктурным стремлением газеты заслужить доверие и сочувствие студентов. Стиль его писем отличался крайней резкостью, так, он без обиняков сравнивал выступления «Русских ведомостей» со «слезами крокодила, плачущего для того, чтобы приобрести симпатию своих жертв» [6] и уподоблял их роль в конфликте роли «унтер-офицерши Пошлепкиной, которая сама себя высекла» [7].

Именно после серии этих публикаций Кочетов получил приглашение от Каткова, почувствовавшего в нем «жгучий патриотизм» [8]. В связи с этим возникает вопрос: а не было ли в действиях самого Кочетова конъюнктурности, не явились ли написанные им письма всего лишь попыткой «приспособиться» к позиции «Московских ведомостей», чтобы таким образом «попасть в доверие» к Каткову и обеспечить себе место в редакции?

Как представляется, нет. Во-первых, лицемерие было явно не в характере Кочетова, который, по свидетельству тех, кто хорошо его знал, всегда был «весь как на ладони <...> всегда готовый лезть вперед и вязаться в “историю”» [9. С. 341]. Катков, как правило, приглашал литераторов, искавших сотрудничества в его изданиях, на беседу, по итогам которой принимал ре-

¹ Редакция «Московских ведомостей» находилась в здании университетской типографии, помещавшейся на Страстном бульваре.

шение и определял сумму гонорара. Эти разговоры зачастую длились по несколько часов, в них затрагивались самые разные вопросы, и, надо полагать, что Катков, будучи опытным редактором и обладая весьма значительным жизненным опытом, мог бы легко обнаружить неискренность и притворство своего собеседника. Именно такая встреча и состоялась у Каткова с Кочетовым, после которой начинающий журналист был принят в штат газеты. Об этом сохранилось собственное свидетельство Кочетова в одном из писем редактору «Московских ведомостей»: «...был принят в редакцию Вами лично» [10]. Благоприятный для Кочетова исход встречи говорит о том, что он произвел самое благоприятное впечатление на взыскательного редактора, которого, по всей вероятности, привлекла его жизненная опытность, имевшийся литературный опыт и, безусловно, политические идеалы – искренняя преданность престолу и русским интересам.

В пользу искренности Кочетова – автора писем «Голос из публики» – свидетельствует и тот факт, что, будучи убежден в своей правоте, он публично предложил устроить третейский «суд чести» между ним и «Русскими ведомостями», в присутствии университетских профессоров, студентов и лиц из публики – поровну от каждой из сторон. «Убежденный в невинности студентов <...> Я предлагаю “Русским ведомостям” устроить между нами суд чести, – писал Кочетов в своем заявлении, опубликованном также в «Московских ведомостях». – На этот суд выйду я и депутат от “Русских ведомостей”. Если депутату редакции удастся убедить гг. судей, что я, ведя полемику, поступал нечестно, передергивал сообщаемые в “Русских ведомостях” факты, выводил из них ложные заключения, волновал студентов, сообщая печатно ложь, отклонялся от вышеуказанной мною цели, прибегал к каким бы то ни было предосудительным уловкам, – то я первый признаю свои действия в таком серьезном деле позорными, обязуюсь больше ничего не писать о Московском университете, напечатать на свой счет протокол обвинявшего меня третейского суда в шести газетах, наконец, предоставить суду право употребить вносимые мною заранее 3000 рублей следующим образом: 500 рублей в пользу 5 исключенных по событиям 5 декабря и 2500 в кассу студентов в пользу беднейших товарищей» [11]. Редакция «Русских ведомостей» увидела в этом вызове лишь «фортель», «буффонаду», стремление учинить скандал с целью «возбудить утомленное внимание публики» и «скандальные инстинкты» в самих студентах [12]. Однако, на наш взгляд, Кочетов руководствовался отнюдь не теми неблагоприятными намерениями, которые приписывались ему редакцией либеральной газеты. В его поступке, скорее, просматривается настойчивое, бесхитростное и, может быть, даже несколько наивное желание доказать свою правоту и одновременно способствовать оправданию студентов, отчисленных вследствие поспешного решения университетского руководства. Однако сам Катков вряд ли был столь же простодушен: публикуя вызов Кочетова «Русским ведомостям», он, несомненно, предвидел, какую реакцию это может вызвать в рядах его постоянных оппонентов. Их отказ от участия в третейском суде дал Каткову, до того момента хранившему молчание и ни словом ни обмолвившемуся в передовых статьях о конфликте в университете, повод в свою очередь обвинить своих противников в стремлении «возбуждать страсти обманами всякого рода» [13].

Решительность Кочетова, присущий его текстам полемический задор и запальчивость, с которой он обращался к своим противникам, произвели впечатление на Каткова, а его вызов «Русским ведомостям» он даже назвал «героическим средством» [13], и с этого момента материалы, подписанные «Евгений Львов» или инициалами «Е.Л.» стали регулярно появляться на страницах «Московских ведомостей». Кочетов обладал незаурядными журналистскими способностями, ему были присущи все качества, необходимые профессиональному газетчику: наблюдательность, умение быстро и оперативно находить нужную информацию, настойчивость, коммуникабельность, упорство, физическая выносливость и неутомимость и др. «В этом, вечно волнуемом, пыхтящем человеке чувствовался подъем духа и неистощимый запас энергии» – так характеризовал Кочетова востоковед и дипломат Ю.С. Карцов, хорошо знакомый с журналистом по совместной работе на Востоке в 1880-е гг. [9. С. 340]. Свойственные характеру Кочетова горячность и эмоциональность накладывали отпечаток как на его журналистские тексты, так и на его взаимоотношения с сотрудниками «Московских ведомостей» и с самим Катковым, который в шутку дал ему очень характерное прозвище: «самовар».

Как специальный корреспондент «Московских ведомостей» Кочетов оказывался в гуще самых животрепещущих событий. Он с одинаковым успехом писал в разных жанрах и на разные темы: вел репортажи с похорон генерала М.Д. Скобелева и с места катастрофы на Курской железной дороге летом 1882 г., писал анонсы об открытии художественных выставок и рецензии в рубрике «Театральная хроника», составлял остроумнейшие библиографические заметки, вел рубрику «Заметки читателя газет», в которой публиковал сатирические комментарии к публикациям в других изданиях, в первую очередь в либеральных – постоянных противниках «Московских ведомостей»: журналах «Дело» и «Отечественные записки», газетах «Голос», «Порядок» и др. В обширном путевом очерке «Из летней экскурсии» Кочетов весьма подробно и живо описал свое путешествие по южным окраинам России – из Астрахани по Каспийскому морю до Кизляра, а далее – по кавказским дорогам через станции Щедринская, Грозная, Червленная, Моздок и Прохладная в Пятигорск.

Темой для материалов Кочетова могли служить не только общественные, политические и культурные события, но и факты частной жизни, в которых журналист умел увидеть важную общечеловеческую проблему. Так, поводом для одной из его корреспонденций, озаглавленной «Мор детей», стало тяжелое горе в его собственной семье – смерть семилетней дочери от дифтерита. Даже у человека, не предрасположенного к эмоциям, нарисованная Кочетовым картина не могла не вызвать слез и комка в горле: «Исхудавшее тельце ребенка острыми углами обрисовывается из-под покрывающей его простыни, по-видимому он засыпает, в сердцах отца, матери, близких зарождается луч безумной надежды, но вот он начинает беспокойно кидаться, сбрасывает простыню, тяжело дышит, хватается за горло, вскакивает, широко открывает глаза; на лице испуг и ужас, глаза полные тревоги ищут отца, ребенок кидается к нему, охватывает шею, хрипит “Папа, души”... и не получает от пораженного горем отца ни помощи, ни облегчения, обманутые в первый раз в

жизни в последней своей детской надежде задыхается у него на груди, раскрыв ротик, откинув голову и вцепившись ручонками в его платье... А эти застывшие в ужасе черты посиневшего личика, так поражающие вас при последнем прощании, они никогда не дадут вам покоя, ничем не изгладятся из вашей памяти...» [14]. Публицист не скрывал, насколько тяжелы для него эти воспоминания, но именно поэтому собственная беда стала для него поводом к разговору о том, как избежать распространения опасного заболевания, угрожающего как семьям бедняков, так и детям из достаточных семей. Шокирующее описание смерти собственного ребенка казалось ему действенным средством, чтобы разбудить «энергию» общества, которое «не хочет видеть опасности, пока она не коснется нас лично». Для профилактики и борьбы с инфекционными болезнями он предлагал ввести в местностях, подверженных заболеваниям, целую систему гигиенических мер: уничтожить свалки, дезинфицировать нечистоты, вести гигиену помещений, отдаваемых внаймы, выделить отдельные инфекционные помещения в детских больницах, а также создать в каждом городе страховое общество от последствий заразных болезней.

Но все же наиболее удавались Кочетову оперативные материалы, написанные «по горячим следам». Современники видели в нем одного из самых талантливых репортеров 1880-х гг.: «Мыслителем или сведущим политиком Кочетов не был. Не ум и логика составляли сильную сторону его натуры, а вдохновение, догадка, нутро. Как никто, обладал он даром схватывать суть предмета, попадать в самую точку. В лице Кочетова современное значение печатного слова выразилось наглядно. Едва возникало событие, Кочетов уже был тут как тут» [9. С. 340]. Среди самых интересных материалов Кочетова, на наш взгляд, репортажи и корреспонденции о трагедии, случившейся в ночь с 29 на 30 июня 1882 г. на 296-й версте Московско-Курской железной дороги и получившей по имени близлежащего населенного пункта название «кукуевская катастрофа». В результате страшного ливня, длившегося несколько дней подряд, водопропускная чугунная труба, проложенная под железнодорожной земляной насыпью через глубокий овраг, не справилась с резко увеличившимся водным потоком, под напором которого насыпь была размыва, и железнодорожное полотно провисло в воздухе. Во время прохождения пассажирского поезда рельсы разорвались, и семь вагонов обрушились в образовавшуюся пустоту, а затем были погребены под толстым многотонным слоем разжиженного грунта. В результате крушения погибли 42 человека, а еще 35 были ранены. В историографии освещение этого события, как правило, связывают с именем легендарного репортера В.А. Гиляровского, который первым из журналистов оказался на месте трагедии и репортажи которого печатались в «Московском листке» Н.И. Пастухова. Однако многочисленные корреспонденции Кочетова с места крушения представляют собой не менее правдивый и столь же объективный рассказ о событиях той страшной ночи и последовавших вслед за ней двух недель, на протяжении которых велись работы по извлечению трупов.

Журналист «Московских ведомостей» смог прибыть на место трагедии лишь 3 июля, так как был командирован редакцией вести репортажи о сопровождении к месту захоронения тела национального героя России генерала

М.Д. Скобелева, внезапная кончина которого 25 июня 1882 г. по времени почти совпала с кукуевской катастрофой. 28 июня Кочетов выехал в родовое имение генерала в Рязанскую губернию, но успел лишь сутки пробыть в усадьбе, когда был срочно вытребован в Москву, чтобы оттуда немедленно отправиться к месту крушения, где и оставался до окончания поисковых работ 15 июля, не отлучаясь, по его собственному признанию, «ни на минуту». Эти две недели стали для Кочетова весьма тяжелым испытанием. Условия, в которых ему пришлось жить и работать, были почти невыносимыми: страшная жара, ядовитые испарения, идущие от трясины, ставшей огромной братской могилой для более чем сорока человек, удушающий запах разлагающихся трупов, сама обстановка, сопровождавшая раскопки, когда каждый день добавлял все новые и новые подробности случившейся трагедии.

Первые телеграммы Кочетова начали печататься в «Московских ведомостях» с 5 июля, а спустя несколько дней, когда картина произошедшего стала более или менее ясна, журналист прислал в газету достаточно подробную корреспонденцию, в которой попытался восстановить ход событий в ночь на 30 июня [15], а в последующих материалах начал детально излагать подробности поисковых работ, описывать трудности и риски, с которыми приходилось сталкиваться рабочим и инженерам, анализировать факторы, ставшие причиной катастрофы [16–22].

Кукуевская катастрофа вызвала бурную полемику в газетах о порядке на отечественных железных дорогах, и публикация этих материалов поставила Кочетова под огонь критики со стороны враждебной «Московским ведомостям» прессы, как московской, так и петербургской. Неприязнь к Каткову и его газете, которая в глазах либеральной прессы являлась рупором официальной точки зрения, автоматически переносилась и на ее авторов. Кочетова, который никогда не скрывал, что именно он является автором материалов в «Московских ведомостях», подписанных именем «Евгений Львов», упрекали в защите железнодорожного начальства, в стремлении скрыть истинное количество жертв, в сокрытии подлинных причин трагедии и т.п., недвусмысленно намекали на заказной характер его корреспонденций, не стесняясь, припоминали ему не самые приятные эпизоды его пребывания в Польше и т.д. Так, еженедельник «Мирской толк», издававшийся в Москве Н.Л. Пушкиревым, с ехидством писал в заметке «Курьез»: «"Газета г. Гатцука" сообщает, говорят „Русские ведомости“, что сотрудник „Московских ведомостей“, подписывающийся „Евгений Львов“, есть не кто иной, как разжалованный портупей-юнкер, Евгений Львов-Кочетов, выдержанный в Вильно около года в арестантских ротах за какой-то, вероятно, очень патриотический подвиг <...> это уже не первый сотрудник г. Каткова в таком роде. Теперь, конечно, каждому станет понятно, добавим мы, почему Евгений Львов так горячо принял сторону воротил московско-курской костоломки. Изведавший все прелести острога, он, по чувству христианского милосердия, не хочет, чтобы даже самые злейшие враги испытали ту же участь» [23. С. 116]. Целый шквал критики в адрес репортера «Московских ведомостей» обрушился со страниц газеты «Русский курьер» Н.П. Ланина, в которой Кочетова обвиняли в «мздоимстве» за то, что в посланной им в редакцию «Московских ведомостей» корреспонденции было указано, «что погибших будто бы только десят-

ки (45 человек), а не сотни» [24], называли «адвокатом железнодорожников и чорта» [25] и т.д. В неопубликованной юмореске А.П. Чехова «Тайны сто сорока катастроф, или Русский Рокамболь» Кочетов был выведен в явно карикатурном образе – как «его полублагородие отставной портупей-юнкер Эжен Львов-Кочетов» [26].

Сегодня, когда острота газетно-журнальной полемики ушла в прошлое, анализ материалов Кочетова с места кукуевской трагедии свидетельствует, что оснований утверждать, что они имели заказной характер, нет. Напротив, в его корреспонденциях и репортажах была представлена весьма точная, достоверная и очень подробная картина катастрофы. Сам Кочетов свою задачу видел в объективном освещении произошедшего, чтобы, «не скрывая ничего, ни хорошего, ни дурного, не обвиняя никого до суда, но и не оправдывая... указывать на факты и только из них выводить свои заключения» [20]. Находясь в течение двух недель в самом эпицентре событий, наблюдая жуткие подробности извлечения изуродованных и обезображенных трупов, когда части человеческих тел зачастую было невозможно отделить от искореженного металла, Кочетов, будучи человеком весьма впечатлительным, в своих описаниях места катастрофы не мог избежать некоторых проявлений эмоциональности, но при этом всегда оставался скрупулезно точен, конкретен, уделял пристальное внимание каждой подробности, но избегая при этом сенсационности описаний и дешевой эпатажности: «Представьте, – описывал он место раскопок, – 1200 человек, тяжело работающих а лопатине, окруженной с трех сторон раскаленной глинистой стеной сажен в 12 вышины; сверху палит июльское солнце, на воздухе 40–42 градуса, снизу под обломками несколько полуоткрытых, сильно разлагающихся трупов, которые время от времени кропятя фельдшером смесью скипидара и хлористой извести. Внизу, образуя грязь и лужи, сочится вода, настоянная на трупах и теперь уходящая из разрытого места крушения. Далее, шагах в ста от работ, на пологом берегу оврага сушатся почтовые тюки и багаж, добытый из багажного вагона и промокший насквозь; тут же разложен небольшой костер, на котором, дымясь и испаряясь, жгутся промозглые одежды и вещи, найденные на погибших, а еще сто шагов далее находится морг, постоянно дающий приют нескольким разлагающимся трупам» [22].

В его корреспонденциях содержатся подробные сведения о количестве занятых в раскопках землекопов, солдат, слесарей Тульских железнодорожных мастерских, о размерах полагавшегося им денежного вознаграждения и количестве пищевого довольствия, о порядке возмещения убытков от уничтожения багажа и даже о том, сколько стоила подвозка питьевой воды к месту катастрофы и т.п. Подчеркивая слаженность и профессионализм работающих на раскопках прокурора Московской судебной палаты С.С. Гончарова, управляющего дорогой К.И. Шестакова, главного инженера А.И. Домбровского, начальника Тульских железнодорожных мастерских Баумана, чернского уездного врача И.Т. Щеглова, журналист не скрывал и негативных фактов, таких как пререкания и бездеятельность полиции, отсутствие медицинского персонала, безобразные санитарно-гигиенические условия на месте раскопок, при которых лишь чудом удалось избежать эпидемии, толпы праздно пуб-

лики, приехавшей «на место с единственной целью полюбоваться даровым зрелищем» [22].

Нарисованные Кочетовым подробности разбора завалов на месте катастрофы и сегодня производят сильное впечатление: «Трудно представить себе что-либо более тяжелое и запутанное, как эти раскопки. Представьте себе груду железа толщиной в фут и более изогнутого как веревка, перекрученного с другим железом, перемешанного с грязью, перепутанного с брусками, винтами, обломками досок, железных листов и торчащими между ними колесами на железных осях. Часов в шесть того же дня из-под буфера показалась, например, нога в шерстяном чулке; кажется, стоит только вытащить буфер и извлечь тело; так и делают; привязывают к буферу канат, ухватываются за него человек 50 и при помощи «дубинушки» тащат наверх в гору. Но буфер не двигается. Он на сажень глубже захвачен колесом, на котором в свою очередь лежит несколько сот пудов железа. Все это перепутано так, что сотня дюжих рабочих не могут столкнуть с места; канаты лопаются; пробуют с другой стороны, но обломки угрожают целости тела; надо перебить железный стержень, выбить десятки болтов и винтов, перепилить десятки досок, вытащить все это из хаоса обломков, и затем уже вечером в девять часов извлечен изуродованный труп неизвестной простолюдинки» [17].

На вопрос о виновниках катастрофы Кочетов также попытался ответить, хотя в первые же дни после крушения это было затруднительно ввиду отсутствия объективной информации. Кочетов не согласился с высказанным в ряде изданий мнением, что вся ответственность за случившееся лежит на основании в 1869 г. под председательством коммерции советника В.Ф. Чижова железнодорожном товариществе, которому в 1872 г. Московско-Курская железная дорога была передана в арендное пользование сроком на 80 лет. По мнению журналиста «Московских ведомостей», общество не может нести ответственность за качество строительства, которым ведало Министерство путей сообщения. Не обвиняя министерство прямо, журналист тем не менее писал, что это ведомство, в обязанности которого входило утверждение всякого крупного ремонта на Курской дороге, «не раз будто бы отказывало в разрешении переделки мостов и других сооружений» [20].

Не скрывая, что основной причиной катастрофы явилась «негодность трубы и насыпи», которые привели к обвалу и размыву, журналист называл и другие факторы, стечение которых привело к трагедии: сильные дожди в течение нескольких дней, вызвавшие очень высокий паводок, так что «вода подымалась на шесть и более сажень», иприводит в доказательство подмеченную им деталь: «клоки сена, оставленные паводком на ветках берез на высоте шести и более сажень» [20]; непредусмотрительность и формальный подход железнодорожных служащих к своим обязанностям, в результате которого «исполнительный служащий, нимало не колеблясь, выпускает поезд с 200 человек ночью, в то время, когда в природе совершается грозное, небывалое в этих местах явление, и несмотря на то, что еще 4 часа тому назад этот ужасный дождь размыл уже путь на ровном месте» [20]. Поднимая вопрос об ответственности и профессионализме, журналист с горечью писал о русской беззаботности и небрежности: «Наш девиз: авось, небось и как-нибудь, и сходит он нам многие лета по всем отраслям нашей жизни, а в том числе и по

Министерству путей сообщения сходил, даже считался за молодчество, пока мы имели дело с курьерскими тройками <...> и к железной дороге мы относимся так же халатно, как и к ямской тройке. Кто же тут виноват?» [20].

Следует отметить, что все вопросы, связанные с прокладкой в России железных дорог и их эксплуатацией, составляли предмет постоянного внимания «Московских ведомостей» и их редактора, в передовых статьях которого неоднократно рассматривались как экономическое, так и стратегическое значение железнодорожного транспорта, условия и качество эксплуатации железных дорог [27–30]. Катастрофа на Московско-Курской железной дороге явилась для Каткова поводом, чтобы вновь поднять вопрос об усилении ответственности тех, в чьи обязанности входят строительство и надзор за состоянием железных дорог. «Несчастье на Курской дороге имеет общее значение, – писалось в передовой статье «Московских ведомостей» спустя несколько дней после кукуевской трагедии. – Много ли толку, что на 296 версте вместо трубы теперь построят мост, конечно, нового несчастья в этом пункте больше не случится, но может оно произойти в другом месте, на другой дороге» [31]. В целях предупреждения катастроф, подобной случившейся, газета предлагала установить жесткий контроль со стороны государства за строительством и эксплуатацией железных дорог, ввести обязательное страхование пассажиров и т.д., приводя в качестве примера Германию, где на тот момент уже существовали строгие законы, по которым железная дорога несла ответственность за безопасность пассажиров: «Нужно что-нибудь одно: или чтобы дороги, по крайней мере их правления, были ответственны в уголовном или гражданском порядке за *все* происходящие несчастья с поездами, или же чтобы надзор за дорогами и правительственная опека над ними перестали быть фиктивными [31]. Связь основных положений передовых статей Каткова с фактами, приводимыми в корреспонденциях Кочетова, очевидна.

Столь удачное сотрудничество Кочетова в «Московских ведомостях» прекратилось самым неожиданным образом. В конце 1882 г. на одном из банкетов, куда были приглашены съехавшиеся в Москву иностранные корреспонденты, Кочетов, задетый где-то немцами, произнес страстную речь, в которой с симпатией отозвался о Франции и российско-французском сотрудничестве. Катков, который в этот период на страницах «Московских ведомостей» выступал в защиту союза России с Германией, был чрезвычайно возмущен и раздосадован выступлением Кочетова, и, как следствие, последний был вынужден покинуть редакцию. Здесь следует пояснить, что Катков требовал от сотрудников полного согласия с позицией газеты, которая формировалась в первую очередь в его собственных передовых статьях, и не терпел «своемыслия» и каких-либо отступлений от заявленных в них взглядов. «В редакции его было много чернильниц и перьев, но был только один источник вдохновения, – это Катков сам, и было одно только перо, – это его перо», – вспоминал один из постоянных авторов «Московских ведомостей» князь В.П. Мещерский [32. С. 262]. Столь жесткая позиция редактора давала повод даже благожелательно настроенным современникам упрекать его в том, что он требовал от своих сотрудников «безусловного самоуничижения» [9. С. 339]. Однако такая требовательность Каткова, как можно предположить, объяснялась все же отнюдь не деспотическими наклонностями его ха-

рактера, а стремлением обеспечить единство направления «Московских ведомостей» и уберечь газету от обвинений в политической конъюнктурности. Ошибка Кочетова могла дорого стоить редакции: его публичные франкофильские высказывания могли быть восприняты как свидетельство изменения курса газеты, ведь к тому времени публицист имел репутацию одного из самых преданных Каткову сотрудников.

Сам журналист тяжело переживал свой проступок, обвиняя в случившемся прежде всего самого себя и свою несдержанность. Не желая работать в московских газетах, среди которых, как он сам признавался Каткову, «большой “благонамеренной” газеты, к сожалению, нет, и идти уважающему себя человеку и не чувствующему в себе наклонностей быть предателем – некуда» [10], он в поисках заработка обратился к редактору газеты «Новое время» А.С. Суворину, и вскоре был принят в качестве специального корреспондента. Однако Кочетов очень быстро разочаровался в Суворине и его газете: «Мое ближайшее знакомство с Сувориным показало только, какая пропасть между вами и “Новым временем”, хотя оно и числится благонамеренным», – писал он Каткову, уже будучи корреспондентом «Нового времени», прося «отпустить невольную вину» и вновь принять в число сотрудников «Московских ведомостей» [10]. «Я с восторгом бы бросил проклятое “Новое время” с его гонорами и лез бы из кожи, чтобы снова заслужить ваше благоволение», – со свойственной ему эмоциональностью убеждал Кочетов редактора «Московских ведомостей» [10]. Как видимо, Кочетова не устраивало стремление Суворина дистанцироваться от определенного направления и превратить свою газету в «парламент мнений», и он сожалел о «Московских ведомостях», с их четко и определенно заявленной позицией.

Трудно сказать, раскаивался ли сам Катков о своем решении уволить Кочетова, но можно с уверенностью утверждать, что ему не была свойственна «злопамятность». Он продолжал оказывать своему бывшему сотруднику материальную поддержку, внося плату из собственных средств за обучение его сына в Лицее цесаревича Николая в Москве. Как свидетельствуют письма Кочетова, адресованные Каткову, последний продолжал поддерживать с журналистом деловые отношения, несмотря на то, что тот перешел на службу к его прямому конкуренту. Со своей стороны Кочетов, по словам современников, так «проникся идеями» Каткова, что «благоговел перед ним до самой своей смерти» [9. С. 339]. Корреспонденции, подписанные именем «Евгений Львов» или инициалами «Е.Л.», больше не появлялись на страницах «Московских ведомостей», однако журналист оставался для Каткова надежным источником информации. Посланный редакцией «Нового времени» в Польшу в качестве специального корреспондента, Кочетов продолжал регулярно писать Каткову, информируя его обо всем, что могло дать представление о происходящем в губерниях Царства Польского, и о настроениях местного населения. Его письма содержали немало интересных и важных подробностей: о разнице в отношении к русским со стороны простого народа и польской интеллигенции, о реакции местного населения на распоряжения русской администрации, о том, какие бумаги и распоряжения доставлялись из Петербурга и каковы взаимоотношения местных властей – И.В. Гурко, А.Л. Апухтина, П.И. Кутайсова и т.п.

Значительная часть сообщаемой Кочетовым информации носила конфиденциальный характер и вряд ли могла попасть в официальные правительственные сообщения. Так, в одном из писем Кочетов сообщал Каткову подробности ареста 28 июня 1884 г. П.В. Бардовского, занимавшего должность мирового судьи в Варшаве, при обыске в квартире которого было найдено «несколько пудов шрифта и разных типографских принадлежностей, 128 готовых прокламаций» [33. С. 88–89]. Бардовский был одним из лидеров польского революционного движения, принимал активное участие в деятельности польской рабочей партии «Пролетариат», поддерживал связь с тайной организацией в России «Народная воля», и, безусловно, этот факт – связь государственного чиновника с антиправительственными организациями – имел для Каткова немаловажное значение.

В другом письме Кочетов характеризовал генерала И.В. Гурко, назначенного в 1883 г. варшавским генерал-губернатором и командующим Варшавским военным округом. С присущей ему прямоотой Кочетов писал, что «Гурко бесспорно человек русский, но слабый политик и плохой администратор», «всегда у кого-нибудь в руках, и теперь им вертит правитель его канцелярии Корнилов, человек, потерявший голову от своего могущества... и вдобавок взяточник» [34. С. 90–92]. В письме упоминаются начальник Варшавского жандармского округа граф П.И. Кутайсов и попечитель Варшавского учебного округа А.Л. Апухтин, действиям которых, направленным к продолжению русификаторской политики края, публицист явно сочувствовал. Сообщая, что «в Петербурге возбужден вопрос – как бы убрать отсюда Апухтина... а вместе с ним и Кутайсова», Кочетов настоятельно рекомендовал Каткову высказаться на страницах «Московских ведомостей» «разумное, сильное слово» в их защиту [34. С. 90–92].

Содержание этих писем свидетельствует, что взгляды Кочетова на ситуацию в Польше полностью совпадали с позицией Каткова, в изданиях которого активно пропагандировалась русификация западных территорий империи. В корреспонденциях Кочетова из Варшавы в «Новом времени», подписанных характерным псевдонимом «Русский странник», также велась защита политики обрусения поляков и развивались идеи, заявленные в передовых статьях Каткова в «Московских ведомостях»: критика проникновения иностранного капитала в экономику Польши, озабоченность прочностью позиций католицизма, защита православия, борьба за введение в школы и делопроизводство русского языка и т.п.

Близость политических взглядов Каткова и Кочетова проявилась и в отношении к «румелийскому перевороту» – объединению Болгарского княжества с автономной турецкой провинцией Восточной Румелией в результате народного восстания 6 сентября 1885 г. Воссоединение Болгарии с Румелией являлось нарушением условий Берлинского трактата 1878 г. и могло привести к конфронтации России с Турцией и Австро-Венгрией. Императором Александром III эти события были восприняты как предательство со стороны поддержавшего восстание болгарского князя Александра Баттенберга, который, несмотря на то, что своим престолом был обязан России, вел пробританскую политику и предпринял столь решительные действия без учета русских интересов. Реакция российского общества на объединение была неодно-

значной [35]: либеральная печать увидела в объединении торжество национальной свободы и отказ от административного давления со стороны России, славянофилы по главе с И.С. Аксаковым, не соглашаясь с официальным мнением о предательстве болгар, тем не менее заявляли, что предварительное согласие России на объединение было необходимо. Катков в передовых статьях «Московских ведомостей» настаивал на том, что объединение есть шаг несвоевременный, «изменническое деяние», результат «мошенничества» Европы, которая согласилась на нарушение Берлинского трактата 1878 г. с целью нанести ущерб интересам России, а сам переворот осуществлен прозападно настроенной болгарской интеллигенцией, тогда как сам болгарский народ остается верен России. Редактор «Московских ведомостей» был искренне убежден, что интересы Болгарии и России идентичны и болгарская внутренняя и внешняя политика может существовать только в согласии с российской: «Болгария создана кровью России и может существовать только в связи с ней и под ее покровом» – таким был лейтмотив его выступлений в «Московских ведомостях» [36].

Уже 12 сентября, т.е. шесть дней спустя после румелийского переворота, Кочетов отправился в Болгарию и Румелию в качестве специального корреспондента «Нового времени» и стал фактически единственным русским журналистом на территории объединенного государства. Он провел в стране три с половиной месяца (из которых около полутора месяцев – в Филиппополе, столице Восточной Румелии), наблюдая за событиями, общаясь с их участниками и собирая материалы, касающиеся истории переворота. Эти месяцы стали серьезным испытанием для Кочетова-журналиста, подтвердили его репутацию как человека смелого, решительного, мужественного, не способного идти на поводу у обстоятельств и не склонного к компромиссам с собственной совестью. Так как Кочетов не скрывал своего негативного отношения к объединению, то лицами, возглавлявшими восстание, – З. Стояновым, Д. Ризовым, В. Стефовым и др. – он воспринимался как представитель официальной России, и их ненависть к ней быстро распространилась и на Кочетова. Ему в присутствии русского консула было заявлено, что если он будет «продолжать писать в том же духе, то последует кровавая расплата». Весьма вероятно, что болгарские революционеры хотели лишь «припугнуть» журналиста, внешность которого производила едва ли не комическое впечатление: Кочетов был небольшого роста, с брюшком, на голове носил фуражку с кокардой, а когда расстегивался – виднелся вышитый красными нитками на рубашке российский государственный герб. Однако в ответ на это ультимативное предложение журналист – человек далеко не робкого десятка – категорически заявил: «...буду продолжать, и ввиду того, что наш консул защитить меня не в силах, буду защищать себя и свое право писать правду револювером» [37. С. 723]. Понимая, что его стремление писать о событиях в Болгарии с иных позиций, чем это было желательно организаторам восстания, может вызвать противодействие с их стороны, Кочетов во время первого визита в штаб-квартиру повстанцев был вынужден взять с собой револьвер, чтобы в случае нападения иметь возможность защитить свою жизнь (предосторожность далеко не лишняя: во время пребывания журналиста в Филиппополе на него было совершено покушение – каким-то предметом ему чуть не проло-

мили голову). Видимо, искренность, отвага и личное мужество Кочетова произвели сильное впечатление на болгарских революционеров, потому что между ними и журналистом завязалось знакомство, и в дальнейшем они уже без всяких проявлений враждебности сотрудничали с Кочетовым, предоставляя ему всю необходимую информацию и комментарии к событиям 6 сентября. «Правых и виноватых требовал он к ответу, не расспрашивал их, а подвергал формальному допросу. Политические деятели шли на его зов и, наперерыв, давали ему объяснения», – писал об этом периоде деятельности Кочетова Ю.С. Карцов [9. С. 340].

Суворин отказывался печатать многие из присылаемых Кочетовым в «Новое время» корреспонденций на том основании, что они, скорее, представляли собой передовые статьи, в которых журналист страстно и горячо отстаивал свой взгляд на события в Болгарии: «Россию оскорбляют, топчут в грязь... Нет, камни вопиют и требуют возмездия» [9. С. 343]. К тому же формат ежедневной газеты не позволял помещать объемные материалы аналитического характера, а Кочетову за три с лишним месяца пребывания в Болгарии удалось собрать большое количество фактов, комментариев, свидетельств, обобщение которых позволило бы нарисовать широкую картину произошедшего. Такую возможность мог дать только журнал, причем издателем которого разделял бы взгляды и позицию Кочетова. Именно таким изданием стал «толстый» ежемесячник Каткова «Русский вестник», в котором в феврале – марте 1886 г. и появился очерк «Румелийский переворот», опубликованный под знакомым читателям псевдонимом «Евгений Львов». Очерк представлял собой попытку объективного анализа событий 6 сентября, их причин, а также роли в них российской дипломатии. В отличие от корреспонденций Кочетова для «Нового времени», которые писались очень эмоционально, с большой долей субъективности, тон очерка более спокойный и сдержанный. Все приведенные в нем факты и свидетельства опирались на документальные источники, на свидетельства непосредственных участников событий, были тщательно проверены автором, который стремился продемонстрировать позицию лиц, принадлежавших к разным сторонам конфликта. «Излагая все мне известное, я при передаче каждого отдельного эпизода указываю на те источники, коими руководился; при этом, не желая быть обвиненным в искажении смысла, не изменяю тона и окраски, приданных событиям самими рассказчиками, – подчеркивал Кочетов в предисловии к очерку. – Такая передача кажется мне более справедливой; к тому же читатель, ознакомившись с фактами, вероятно, сам сумеет дать им надлежащую оценку, помимо окраски, приданной им более или менее заинтересованными лицами» [37. С. 723].

Публицист справедливо делал вывод, что переворот в Румелии стал делом не какой-либо «отдельной партии или даже двух-трех лиц», а явился результатом объединенных усилий, «в руководстве им и в осуществлении его участвовали и болгарские революционеры, и члены Болгарского правительства, и народные толпы, и войска, и русские нигилисты, и наконец, члены иностранных представительств» [37. С. 721]. Но главным виновником случившегося Кочетов называл русскую дипломатию на Балканах и решительно критиковал ошибочные действия Министерства иностранных дел России,

некомпетентность сотрудников которого стала одной из важнейших причин переворота: «...и здесь, и в Софии наши дипломатические агенты сменялись десятками, а при их назначениях в Министерстве вовсе не заботились о том, знают ли вновь назначаемые агенты, что такое Болгария, да и зачем все это нужно, когда само наше Министерство иностранных дел, по-видимому, тогда по крайней мере, еще не уяснило себе, чего именно нужно России от Болгарии. Вследствие этого каждый консул вносил новую, свою собственную персональную линию. Не имея категорических инструкций и основательно не зная планов России, софийские агенты никогда не действовали вместе с филиппопольскими, сплошь и рядом можно было думать, что это не два дипломатических фактора одной и той же державы, а представительства двух держав» [38. С. 411–413].

Энергичная критика Кочетова в адрес Министерства иностранных дел согласовывались с позицией самого Каткова, который на страницах «Московских ведомостей» подвергал ожесточенному порицанию как само внешнеполитическое ведомство, так и возглавлявшего его Н.К. Гирса, остроумно замечая, что в России, существует не русское Министерство иностранных дел, а «Министерство иностранных дел в России». Каткову настолько был близок подход Кочетова к событиям в Болгарии и присущий его очерку патриотический пафос, что в 1886 г. он напечатал его отдельным изданием в арендуемой им типографии Московского университета.

К сожалению, в дальнейшем судьба этого талантливого журналиста сложилась неудачно. После смерти Каткова в 1887 г. Кочетов продолжал работать в «Новом времени»: много раз бывал на Ближнем Востоке, ездил в Финляндию, в Прибалтийские губернии, на Ледовитый океан, в разгар холеры – в Поволжье... Но если Катков был для Кочетова непререкаемым авторитетом, то найти общего языка с Сувориным журналист так и не смог и был вынужден уйти из редакции. В поисках заработка он вернулся на государственную службу, состоял коммерческим агентом в Константинополе, затем – в должности директора Русского пароходного общества на Дунае, но чиновничья карьера для энергичного, инициативного, но слишком увлекающегося и эмоционального Кочетова оказалась слишком неподходящим поприщем, и к тому же у него совершенно отсутствовали склонности и способности к коммерческой деятельности. Он трудился энергично, честно, бескорыстно, но действовал настолько непрофессионально, что в результате был обвинен в растратах и финансовых злоупотреблениях. Последние годы Кочетов провел в своем имении Кропотово в Тульской губернии, где и умер в 1905 г., всеми брошенный и забытый.

Статьи в «Новом времени» принесли Кочетову широкую известность, но, как представляется, подлинное удовольствие от журналистского творчества он испытывал в период работы корреспондентом «Московских ведомостей». Несмотря на независимый характер, Кочетову было комфортно работать в московской газете под руководством ее весьма требовательного и взыскательного редактора. Убежденный монархист и подлинно православный человек, Кочетов во всем разделял взгляды Каткова на события в Польше и на Балканах, ему была понятна неприязнь редактора «Московских ведомостей» к Петербургу как к оплоту бюрократизма и «нерусской политики». Как и

Катков, журналист являлся сторонником жесткой централизации власти и считал самодержавие единственно приемлемой в России формой правления, а в Российской империи видел центр славянства и православия. Со своей стороны, Катков нашел в Кочетове не только талантливого репортера, но и искренне преданного и добросовестного сотрудника, служившего ему и его газете «не за страх, а за совесть». Кочетова с Катковым сближали еще и присущие каждому из них непритворная искренность и прямота как в проявлении своих симпатий, так и в выражении неприязни, прямолинейность оценок, а также свойственная им бескомпромиссность и неуступчивость в ситуациях, когда дело касалось их профессиональной репутации.

Литература

1. *Львов Е.* Из недавних воспоминаний о недалеком Западе. М., 1871. С. 2–3.
2. *Кочетов Евгений Львович* // Русские писатели. 1800–1917: биограф. Сл. / под ред. П.А. Николаева. Т. 3 (К–М). М., 1994. С. 115–116.
3. [Передовая статья] // Русские ведомости. 23.12.1880. № 332.
4. [Передовая статья] // Русские ведомости. 06.12.1880. № 315.
5. *Евгений Львов.* Голос из публики // Московские ведомости. 31.12.1880. № 362.
6. *Евгений Львов.* Голос из публики // Московские ведомости. 08.01.1881. № 8.
7. *Евгений Львов.* Голос из публики // Московские ведомости. 06.01.1881. № 6.
8. *Кочетов Е.Л.* Письмо В.А. Грингмуту. 9 декабря 1892 г. // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 2. № 753. Л. 1.
9. *Карцов Ю.С.* Семь лет на Ближнем Востоке. 1879–1886. Воспоминания политические и личные. СПб., 1906.
10. *Кочетов Е.Л.* Письмо М.Н. Каткову. 15 июня. Б.г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 5. Ед. хр. 30.
11. *Евгений Львов.* Мой вызов «Русским ведомостям» // Московские ведомости. 19.01.1881. № 19.
12. [Передовая статья] // Русские ведомости. 22.01.1881. № 22.
13. [Передовая статья] // Московские ведомости. 24.01.1881. № 24.
14. *Евгений Львов.* Мор детей // Московские ведомости. 04.12.1881. № 336.
15. *Е.Л.* Подробности катастрофы 29 июня // Московские ведомости. 10.07.1882. № 189.
16. *Е.Л.* Еще о катастрофе 29 июня // Московские ведомости. 13.07.1882. № 192.
17. *Е.Л.* С места катастрофы 29 июня // Московские ведомости. 14.07.1882. № 193.
18. *Е.Л.* С места катастрофы 29 июня // Московские ведомости. 16.07.1882. № 195.
19. *Е.Л.* С места катастрофы 29 июня // Московские ведомости. 17.07.1882. № 196.
20. *Евгений Львов.* По поводу катастрофы 29–30 июня // Московские ведомости. 22.07.1882. № 201.
21. *Евгений Львов.* По поводу катастрофы 29–30 июня // Московские ведомости. 23.07.1882. № 202.
22. *Евгений Львов.* По поводу катастрофы 29–30 июня // Московские ведомости. 27.07.1882. № 206.
23. *Курьез* // Мирской толк. 1882. № 29.
24. *Русский курьер.* 1882. № 186.
25. *Русский курьер.* 1882. № 201.
26. *Чехов А.П.* Тайны ста сорока четырех катастроф, или Русский Рокамболь // Чехов А.П. Полн. СОБР. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М., 1974–1982. Т. 1. С. 487–493.
27. [Передовая статья] // Московские ведомости. 17.07.1864. № 158.
28. [Передовая статья] // Московские ведомости. 5.11.1869. № 241.
29. [Передовая статья] // Московские ведомости. 2.11.1873. № 276.
30. [Передовая статья] // Московские ведомости. 25.06.1881. № 174.
31. [Передовая статья] // Московские ведомости. 7.07.1882. № 186.
32. *Мещерский В.П.* Воспоминания. М.: Захаров, 2001.

33. Кочетов Е.Л. Письмо М.Н. Каткову. Б.д. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 23.
34. Кочетов Е.Л. Письмо М.Н. Каткову. 17 марта. Б.г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 23.
35. Григорова Д. «Румелийский переворот» и русское общество (1885) // Россия – Болгария: векторы взаимопонимания. XVIII–XXI вв.: Российско-болгарские научные дискуссии. М., 2010. С. 126–134.
36. [Передовая статья] // Московские ведомости. 19.08.1886. № 228.
37. Евгений Львов. Румелийский переворот // Русский вестник. 1886. Кн. 2.
38. Евгений Львов. Румелийский переворот // Русский вестник. 1886. Кн. 3.

FORGOTTEN NAMES: EVGENY KOCHETOV AS A CORRESPONDENT OF M.N. KATKOV'S EDITIONS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 46. 202–221. DOI: 10.17223/19986645/46/15

Elena V. Perevalova, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: helenpv@yandex.ru

Keywords: E.L. Kochetov, M. N. Katkov, *Moskovskie Vedomosti*, *Russkiy Vestnik*, correspondent, Kukuiev accident, Rumelia revolution.

In the article, the cooperation history of the journalist E.L. Kochetov in M.N. Katkov's editions – the *Moskovskie Vedomosti* newspaper and the *Russkiy Vestnik* magazine in the 1880s is considered. During the specified period these editions were leaders of Russian conservative journalism. Kochetov's publications are considered, their subject, perspective and genre specifics are analysed; earlier unpublished letters of the journalist, reminiscences of him are studied. Most part of publications of Kochetov in *Moskovskie Vedomosti* belongs to 1880–1882. The journalist reported from the funeral of General M.D. Skobelev and from the site on the Kursk railroad accident in the summer of 1882, wrote notes about openings of art exhibitions, reviews for the “Theatrical Chronicle” column, had the “Notes of a Newspaper Reader” column, published an extensive traveling sketch “From a Summer Excursion”. Kochetov was particularly successful in writing operational materials written “without a delay”. Among them reports and correspondence from the place of the accident on the Moscow and Kursk railroad in 1882 are of the greatest interest. Kochetov gave the objective picture of the tragedy, described the course of events, details of search works, analysed factors which became the cause of the accident.

As a result of his own mistake, in 1882 Kochetov was forced to leave *Moskovskie Vedomosti*. In search of earnings, he addressed A.S. Suvorin and soon became a special correspondent in his newspaper *Novoe Vremya*. However, his relations with Katkov did not stop. Sent by *Novoe Vremya* to Poland as a special correspondent, Kochetov regularly wrote to the editor of *Moskovskie Vedomosti* about actions of administration and moods of local population, remaining a reliable source of information for Katkov. A considerable part of information given by Kochetov had a confidential character.

In 1886, *Russkiy Vestnik* published Kochetov's sketch “The Rumelia Revolution”. The sketch attempted to objectively analyse the events which led to the association of the Bulgarian principality with the autonomous Turkish province of Eastern Rumelia in the fall of 1885.

The analysis of Kochetov's journalistic texts, correspondence, memoirs allowed to draw a conclusion on the community of the social and political views of the journalist and the *Moskovskie Vedomosti* editor. Kochetov and Katkov were united by a sincere conviction in the need of rigid centralization of the power, a view on autocracy as on the only form of government acceptable in Russia, a critical attitude towards the highest St. Petersburg bureaucracy, protection of orthodox values. They were close in the straightforwardness of assessment expressed in their journalistic texts, the uncompromising stand and obstinacy in situations when matters concerned their professional reputation.

References

1. L'vov, E. (1871) *Iz nedavnikh vospominaniy o nedalekom Zapade* [From recent memories of the not-so-distant West]. Moscow.
2. Nikolaev, P.A. (ed.) Kochetov Evgeniy L'vovich. In: *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskiy slovar'* [Russian writers. 1800–1917. Biographical dictionary]. Vol. 3. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya.

3. Russkie vedomosti. (1880) Peredovaya stat'ya [Editorial]. *Russkie vedomosti*. 23 December. 332.
4. Russkie vedomosti. (1880) Peredovaya stat'ya [Editorial]. *Russkie vedomosti*. 6 December. 315.
5. L'vov, E. (1880) Golos iz publiki [A voice from the public]. *Moskovskie vedomosti*. 31 December. 362.
6. L'vov, E. (1881) Golos iz publiki [A voice from the public]. *Moskovskie vedomosti*. 8 January. 8.
7. L'vov, E. (1881) Golos iz publiki [A voice from the public]. *Moskovskie vedomosti*. 6 January. 6.
8. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 459. List 2. File 753. Page 1. Kochetov, E.L. (1892) *Pis'mo V.A. Gringmutu. 9 dekabrya 1892 g.* [Letter to V.A. Gringmut. December 9, 1892].
9. Kartsov, Yu.S. (1906) *Sem'let na Blizhnem Vostoke. 1879–1886. Vospominaniya politicheskie i lichnye* [Seven years in the Middle East. 1879–1886. Memories, political and personal]. St. Petersburg.
10. Manuscript Research Department of the Russian State Library (NIOR RGB). Fund 120. Box 5. Item 30. Kochetov, E.L. (n.d.) *Pis'mo M.N. Katkovu. 15 iyunya* [Letter to M.N. Katkov. 15 June].
11. L'vov, E. (1881) Moy vyzov "Russkim vedomostyam" [My challenge to Russkie vedomosti]. *Moskovskie vedomosti*. 19 January. 19.
12. Russkie vedomosti. (1881) Peredovaya stat'ya [Editorial]. *Russkie vedomosti*. 22 January. 22.
13. Moskovskie vedomosti. (1881) Peredovaya stat'ya [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 18 January. 24.
14. L'vov, E. (1881) Mor detey [Children's death]. *Moskovskie vedomosti*. 4 December. 336.
15. E.L. (1882) Podrobnosti katastrofy 29 iyunya [Details of the disaster of June 29]. *Moskovskie vedomosti*. 10 July. 189.
16. E.L. (1882) Eshche o katastrofe 29 iyunya [More about the disaster of June 29]. *Moskovskie vedomosti*. 13 July. 192.
17. E.L. (1882) S mesta katastrofy 29 iyunya [From the place of the disaster of June 29]. *Moskovskie vedomosti*. 14 July. 193.
18. E.L. (1882) S mesta katastrofy 29 iyunya [From the place of the disaster of June 29]. *Moskovskie vedomosti*. 16 July. 195.
19. E.L. (1882) [From the place of the disaster of June 29]. *Moskovskie vedomosti*. 17 July. 196.
20. L'vov, E. (1882) Po povodu katastrofy 29-30 iyunya [On the disaster of June 29–30]. *Moskovskie vedomosti*. 22 July. 201.
21. L'vov, E. (1882) Po povodu katastrofy 29-30 iyunya [On the disaster of June 29–30]. *Moskovskie vedomosti*. 23 July. 202.
22. L'vov, E. (1882) Po povodu katastrofy 29-30 iyunya [On the disaster of June 29–30]. *Moskovskie vedomosti*. 27 July. 206.
23. Mirskoy tolk. (1882) Kur'ez [Curiosity]. *Mirskoy tolk*. 29.
24. *Russkiy kur'er*. (1882). 186.
25. *Russkiy kur'er*. (1882). 201.
26. Chekhov, A.P. (1974) Tayny sta soroka chetyrekh katastrof, ili Russkiy Rokambol': [Secrets of one hundred forty-four catastrophes, or the Russian Rocambole]. In: Chekhov, A.P. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 18 t.* [Complete Works and Letters: 30 vols. Works: 18 vols]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
27. Moskovskie vedomosti. (1864) Peredovaya stat'ya [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 17 July. 158.
28. Moskovskie vedomosti. (1869) Peredovaya stat'ya [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 5 November. 241.
29. Moskovskie vedomosti. (1873) Peredovaya stat'ya [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 2 November. 276.
30. Moskovskie vedomosti. (1881) Peredovaya stat'ya [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 25 June. 174.
31. Moskovskie vedomosti. (1882) Peredovaya stat'ya [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 7 July. 186.
32. Meshcherskiy, V.P. (2001) *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Zakharov.
33. Manuscript Research Department of the Russian State Library (NIOR RGB). Fund 120. Box 23. Kochetov, E.L. (n.d.) *Pis'mo M.N. Katkovu* [Letter to M.N. Katkov].

34. Manuscript Research Department of the Russian State Library (NIOR RGB). Fund 120. Box 23. Kochetov, E.L. (n.d.) *Pis'mo M.N. Katkovu. 17 marta* [Letter to M.N. Katkov. 17 March].
35. Grigorova, D. (2010) "Rumeliyskiy perevorot" i russkoe obshchestvo (1885) [Rumelia revolution and Russian society (1885)]. In: *Rossiya – Bolgariya: vektory vzaimoponimaniya. XVIII-XXI v. Rossiysko-bolgarskie nauchnye diskussii* [Russia – Bulgaria: vectors of mutual understanding. 18th–21st centuries. Russian-Bulgarian academic discussions]. Moscow: RAS Institute of Slavic Studies.
36. *Moskovskie vedomosti*. (1886) *Peredovaya stat'ya* [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 19 August. 228.
37. L'vov, E. (1886) Rumeliyskiy perevorot [Rumelia revolution]. *Russkiy vestnik*. 2.
38. L'vov, E. (1886) Rumeliyskiy perevorot [Rumelia revolution]. *Russkiy vestnik*. 3.